

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

Г. Г. Пиков, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

О. Ч. Касимов, доктор филологических наук (Таджикистан, Душанбе)

Н. И. Осмонова, кандидат философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, доктор педагогики (PH.D) (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (PH.D) (Болгария, София)

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного университета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №2 (15)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was Founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

A. P. Zabiyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadolov, doctor of culturology (Russia, St. Petersburg)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

G. G. Pikov, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

D. S. Ataev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

O. Ch. Kasimov, doctor of philological sciences (Dushanbe, Tajikistan)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, doctor of pedagogical sciences (PH.D) (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (PH.D) (Bolgariy, Sofiy)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing.

Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ЕВРАЗИИ

- Дашковский П. К.* Радиоуглеродное и археологическое датирование погребения скифского времени из могильника Чинета-II (Алтай)9
- Сакович Е. Г.* Тибетские источники о Чингис-хане23

Раздел II

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Серегин Н. Н.* Погребальный обряд раннесредневековых тюрок Центральной Азии: формирование и эволюция.....34

Раздел III

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

- Должиков В. А. Н. М. Ядринцев* об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением52

Раздел IV

ПРОЗЕЛИТАРНЫЕ РЕЛИГИИ И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

- Гостюшева Е. М.* Конфессиональный состав Кабинета Его Императорского Величества Алтайского округа в первое десятилетие XX в.65
- Кацаева М. В.* Пятидесятничество в XXI в.: парадигмы модернизации73
- Мунхбат Д.* Паломничество монголов: традиции и современность79

Раздел V

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Эшматова Г. Б.* Репрессии против служителей культа на Алтае в первые годы советской власти.....85
- Мусаев В. И.* Поворот в советской национальной политике в середине — второй половине 1930-х гг.96
- Ильин В. Н.* Старообрядческие браки в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в.112

Раздел VI

**РЕЗУЛЬТАТЫ МОНИТОРИНГА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В РЕГИОНАХ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ**

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Раздел VII

ПЕРСОНАЛИИ

Щеглов С. Г. В. А. Должиков: ученый и педагог133

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 140

ДЛЯ АВТОРОВ142

CONTENT

Section I

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN ANCIENT AND MEDIEVAL IN EURASIA

- Dashkovskiy P. K.* Radiocarbon and archaeological dating of the burial of the scythian period from burial Chineta-II (Altay).....9
- Sakovich E. G.* The tibetan sources about Chingis-khan23

Section II

RELIGIOUS FACTOR IN THE HISTORY OF ANCIENT AND MEDIUM PEOPLES OF EURASIA

- Seregin N. N.* Funeral rite of early-medieval turks in Central Asia: formation and evolution.....34

Section III

ETHNIC PROCESSES AND TRADITIONAL CULTURE OF PEOPLES OF EURASIA

- Dolzhikov V. A. N. M. Yadrntsev* on the ethno-cultural interaction of peasants old believers of the russian altai with the aborigene population52

Section IV

PRECARIOUS RELIGIONS AND TRADITIONAL RELIGION OF PEOPLES OF RUSSIA AND CENTRAL ASIA

- Gostyusheva E. M.* Religious composition of the cabinet of of His Imperial Majesty the aAltai region in the first decade of the twentieth century65
- Kashchaeva M. V.* *Pentecostalism the XXI century: modernization paradigms*..... 73
- Munkhbat D.* Pilgrimage for mongols: traditions and the present.....79

Section V

STATE-CONFESSIONAL AND NATIONAL POLICY: HISTORY AND PRESENT TIME

- Eshmatova G. B.* Repressions against the clergy in the altai region in the first years of soviet power.....85
- Musaev V. I.* The turn of the soviet national policy in the middle — second half of the 1930s.96
- Ilyin V. N.* Old believer marriages in the context of the state and confessional policy of the Russian Empire in the territory of Tomsk province in the nineteenth century112

Section VI

RESULTS OF MONITORING OF INTER-ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL RELATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA AND ABROAD

- Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N.* Perception of ethnic and religious processes by mongolia population (a sociological study).....119

Section VII

PERSONALITIES

Shcheglov S. G. V. A. Dolzhikov: scientist and teacher.....133

INFORMATION ABOUT CONFERENCES 140

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS142

Mizin S. Klassovyi vrag pod maskoi religii [Class enemy under the mask of religion]. *Krasnaia Oirothia* [Red Oirothia]. 1937. 15 apreliia. S. 4 (in Russian).

Oko gosudarevo [The eye of the sovereign]. Gorno-Altaysk, 2001. 160 s. (in Russian).

Oleshchuk F. Chto takoe popovskaia Paskha? [What is the Pope's Easter?]. *Krasnaia Oirothia* [Red Oirothia]. 1937a. 27 apreliia. S. 3 (in Russian).

Oleshchuk F. Sotsialisticheskoe stroitel'stvo i religiiia [Socialist construction and religion]. *Krasnaia Oirothia* [Red Oirothia]. 1937b. 3 iiunia. S. 3. (in Russian).

Pamiat' naroda [memory of people]. 70 let Gorno-Altayskoi avtonomnoi oblasti. Dokumenty i materialy po sotsial'no-ekonomicheskomu i kul'turnomu razvitiuu. Gorno-Altaysk, 607 s. (in Russian).

Poklonov V. V. Razgrom kontrrevoliutsionnoi povstancheskoj tserkovno-monarkhicheskoj organizatsii organami OGPU v 1933 g. Na materialakh ugolovnogo dela № 15 "O repressiiakh protiv pravoslavnykh sviashchennosluzhitelei i veruiushchikh na Altae" [The defeat of the insurgent counter-revolutionary Church-monarchist organization OGPU in 1933 On the materials of the criminal case № 15 "About the persecution against Orthodox clergy and believers in the Altai"]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2016. S. 98–100 (in Russian).

Khramy Ulaly [Temples Of Ulala]. Po materialam knigi protoiereia G. Kreiduna "Khramy Gorno-Altayska i ego okrestnostei", kandidatskoj dissertatsii k. i.n. N. V. Rasovoi, dokumentam Komiteta po delam arkhivov RA. *Zvezda Altaia* [Star of the Altai]. 2014. 20 maia. S. 4 (in Russian).

Shitova N. I. *Rukopisi staroobriadtsa T. F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobriadtsev Uimona (XVIII–XXI vv.)* [The manuscript of the believer T. F. Bochkareva in the context of the history and culture of old believers of the Uymon (XVIII–XXI centuries)]. Gorno-Altaysk, 2013. 360 s. (in Russian).

УДК 94 (47)

В. И. Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург (Россия)

ПОВОРОТ В СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В СЕРЕДИНЕ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.⁵

Целью статьи является изучение динамики советской национальной политики в середине — второй половине 1930-х гг. В этот период происходит постепенное сворачивание политики так называемой коренизации, проводившейся в 1920-е гг. Отчасти это было обусловлено временным и конъюнктурным характером этой полити-

⁵ Работа выполнена в рамках проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этно-конфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование», при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00119.

ки, поскольку она не отвечала общей стратегии национальной политики советской власти. На протяжении 1930-х гг. совершался переход к централизаторскому, интегрирующему курсу внутригосударственной политики. Он проявился, помимо отказа от коренизации, в конструировании новой общегосударственной идентичности и фактическому признанию роли русского этноса и русского языка как основных факторов внутреннего сплочения. При этом едва ли правомерно соглашаться с утверждениями о возрождении в СССР в середине — второй половине 1930-х гг. русского национализма.

Деление населявших советскую страну народов на привилегированные, имевшие собственные территориально-административные образования в форме союзных или автономных республик, и на фактических изгоев, лишенных не только территориальной автономии, но и каких-либо возможностей для ведения культурно-языковой деятельности, стало одной из предпосылок кризиса национальных отношений в последние годы существования Советского Союза.

Ключевые слова: национальная политика, коренизация, национализм, национальные преследования, депортации.

V. I. Musaev

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science, St. Petersburg (Russia)

THE TURN OF THE SOVIET NATIONAL POLICY IN THE MIDDLE — SECOND HALF OF THE 1930s

The article deals with study of the dynamics of Soviet national policy in the middle — second half of the 1930s. During this period a gradual curtailment of the policy of the so-called indigenization, held in the 1920s, was on. This was partly due to the temporary and opportunistic nature of this policy, since it did not meet the general strategy of the national policy of the Soviet government. During the 1930s transition towards centralization, integrating course of domestic policy was happening. It manifested itself, besides abandonment of indigenization policy, in the construction of a new national identity and the actual recognition of the role of the Russian ethnos and the Russian language as the main factors of internal cohesion. At the same time, it is hardly proper to agree with the statements about revival of the Russian nationalism in the USSR in the middle — second half of the 1930s.

Distribution of the peoples, which dwelt in the Soviet Union, into privileged ones, which had their own territorial and administrative units in the form of union or autonomous republics, and the actual pariahs, deprived not only of territorial autonomy, but also of any opportunities for conducting cultural and linguistic activities, has become one of the prerequisites for a crisis national relations in the last years of existence of the Soviet Union.

Key words: national policy, indigenization, nationalism, national persecutions, deportations.

DOI: 10.14258/nreur(2018)2-09

Советская национальная политика в 1920-е гг. была основана на принципах так называемой коренизации. Эти принципы были разработаны на XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г. Программа коренизации, инициированная съездом, предусматривала использование национальных языков при осуществлении местного управления; обязательное изучение местного языка ответственными работниками; выдвижение национальных кадров на руководящие должности; организацию национальных советов, открытие национальных школ; создание алфавитов для языков, не имевших прежде собственной письменности. Проведение такой политики, как предполагалось, было вызвано потребностями борьбы против великорусского шовинизма, под знаменем которого выступали противники советского строя. Ставилась цель продемонстрировать преимущества советского социалистического строя, при котором уважаются и обеспечиваются права всех, больших и малых, национальностей.

Уже в начале 1930-х гг. стали проявляться первые признаки ревизии прежних принципов советской национальной политики. Формального отказа от политики коренизации на этой стадии еще не последовало, хотя уже тогда стало ясно, что эта политика не достигает всех тех целей, которые ставились при её проведении. Задача создания национальных кадров в сфере управления, формирования национальной технической и гуманитарной интеллигенции достигалась далеко не всегда и не везде. В ряде случаев имело место не сглаживание, а напротив, обострение межнациональной напряженности, возникали конфликты на этнической почве. Известный петербургский историк Б. А. Старков замечает: «Уже во второй половине 20-х гг. идеологические приоритеты и политика правящей верхушки большевистской партии столкнулись с разными интересами народов. Так или иначе, власть партии могла утвердиться только в определенных рамках. Можно утверждать, что в сложившейся ситуации партийное единство требовало «единства» государственного, и партийные органы во многом стремились искусственно форсировать данный процесс, опираясь прежде всего на методы административного нажима» [Старков, 1998: 86].

Для рубежа десятилетий и последующих нескольких лет характерной была противоречивость национальной политики. С одной стороны, все принципы коренизации оставались в силе. Национальные сельсоветы, образовательные и общественно-культурные учреждения не только функционировали по-прежнему, но и продолжали численно увеличиваться, развиваться и организационно укрепляться. И. В. Сталин, выступая на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г., подчеркивал важность продолжения политики коренизации. Основной опасностью, по его мнению, оставался великорусский шовинизм — уклон, который отражал стремление уходящих с политической арены классов вернуть себе свои былые привилегии. С другой стороны, в ходе эксцессов коллективизации и раскулачивания представители некоторых национальных групп в процентном отношении пострадали больше других. Репрессии в некоторых случаях могли выглядеть как национальные, хотя фактически репрессивные мероприятия, направленные против определенных национальных групп, начались лишь с середины 1930-х гг.

В начале 1930 г. вышел ряд постановлений высших партийных и правительственных органов, в которых содержались указания по проведению программы коллективизации. 5 января ЦК ВКП(б) принял Постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государственному колхозному строительству», декларировавшее переход «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса» [Трагедия советской деревни. Т. 2, 2000: 85]. 30 января

было опубликовано постановление ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором предлагалось провести конфискацию у кулацких хозяйств средств производства, скота, хозяйственных и жилых построек, предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции и семенных запасов [Данилов, 1990: 23]. 1 февраля вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством», второй пункт которого гласил: «Предоставить краевым (областным) исполнительным комитетам и правительствам автономных республик право применять в этих районах все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев (областей)» [Собрание законов рабоче-крестьянского правительства Союза ССР. 1930. № 9: 105].

В ходе осуществления коллективизации и проведения политики «ликвидации кулачества как класса» впервые применялась практика массовых принудительных переселений больших групп населения. В 1930–1931 гг. по стране шли высылки «кулаков» в отдаленные районы Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. 18 марта 1930 г. было принято постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколониализации в Северном и Сибирском краях и Уральской области», в котором предписывалось «признать необходимым при проведении спецколониализации максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах», а «в сельском хозяйстве использовать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила не может быть использована на лесоразработках и промыслах» [ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1с. Д. 1. Л. 1]. Всего, с учетом внутрикраевых переселений, по данным отдела спецпереселений Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ, в течение 1930–1931 гг. было выслено 388 336 семей, или 1 803 382 человек [Земсков, 1994: 73]. Надо также иметь в виду, что принудительные переселения использовались в экономических целях: как альтернатива добровольного планового переселения для хозяйственного освоения ряда регионов страны — Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока — политики, которую пытались проводить начиная с 1924 г., однако по существу она провалилась.

Депортации периода коллективизации не имели национального характера. Зачисление в «кулаки», со всеми вытекающими из этого фатальными последствиями, проводилось согласно социальным, точнее, имущественным критериям. Депортациям подвергались представители всех национальностей, в абсолютных цифрах наибольшие потери понесли, безусловно, русские. Однако в процентном отношении сильнее пострадали представители некоторых меньшинств, прежде всего так называемых западных, в частности, финского, эстонского, латышского, немецкого. Среди сельского населения этих меньшинств прослойка зажиточных хозяев была более значительной, чем в среднем по стране, бедняков же было сравнительно немного. Высылки ингерманландских «кулаков» из Ленинградской области в Финляндию были даже восприняты как целенаправленные притеснения финнов-ингерманландцев и вызвали в 1930–1931 гг. первый в межвоенный период серьезный дипломатический кризис в отношениях между Финляндией и СССР [Мусаев, 1994: 241–246]. Также среди отправленных в «кулацкую ссылку» жителей Белоруссии и Украины доля поляков была непропорционально высока, и отдельные «антикулацкие» акции имели явно антипольский характер [Martin, 1998: 837–840].

Впечатление национальных гонений могли создать и новые черты в религиозной, или, вернее, в антирелигиозной политике партийно-государственного руководства. «Культурная революция», провозглашенная на рубеже десятилетий одновременно с коллективизацией, знаменовала собой новое наступление на религию и церковь. Если антирелигиозная политика первых лет советской власти была главным образом антиправославной, то на этот раз удар был направлен против всех конфессий. Ставилась цель добиться окончательного преодоления «религиозных пережитков» и полного торжества атеизма. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. законодательно закрепляло вытеснение религиозных организаций из всех сфер общественной жизни и вводило жесткие ограничения на их деятельность. В решениях Второго съезда Союза воинствующих безбожников, состоявшегося в июне 1929 г., говорилось о необходимости добиться окончательного перелома в борьбе «с последним оплотом реакции, препятствующим строительству социализма» [Лиценбергер, 1999: 242]. Правительственная пропаганда утверждала, в частности, что выступления «кулаков» из числа национальных меньшинств Ленобласти против колхозов инспирированы пасторами, за которыми стоят определенные силы в Финляндии, Эстонии и Латвии [Брандт, 1931: 99, 110]. В результате в начале 1930-х гг. по стране прокатилась волна закрытий протестантских, католических церквей и приходов, храмов нехристианских конфессий, арестов и высылки священнослужителей и активных верующих. Последователями же этих конфессий были преимущественно представители национальных меньшинств и диаспор. Можно привести, в частности, такие примеры: в Ленинградской области в 1930–1932 гг. были закрыты восемь финских лютеранских церквей, эстонская церковь св. Иоанна в Ленинграде. Была предпринята первая попытка закрыть финскую церковь св. Марии в Ленинграде, но тогда еще это не было осуществлено [Мусаев, 2004: 235–237]. Были возобновлены и гонения католической церкви (впервые имевшие место в середине 1920-х гг.): ещё осенью 1929 г. были арестованы три католических священника, закрыта церковь Успения Пресвятой Девы Марии в Ленинграде [История римско-католической церкви..., 2000: 570]. В Дагестане с конца 1928 по 1933 г., по официальным данным, было репрессировано 1212 представителей мусульманского духовенства [Доного, 2005: 280].

Важной вехой в процессе пересмотра национальной политики в СССР явились решения Политбюро ЦК ВКП(б), приняты в декабре 1932 г. Заседание Политбюро 14 декабря было посвящено кризису хлебозаготовок. В принятом по итогам заседания постановлении причины кризиса были сформулированы с точки зрения национального фактора. Применительно к Украине это была первая критическая оценка украинизации в той форме, в которой она до того момента осуществлялась: «ЦК и Совнарком отмечают, что вместо правильного большевистского проведения национальной политики в ряде районов Украины украинизация проводилась механически, без учета конкретных особенностей каждого района, без тщательного подбора большевистских украинских кадров, что облегчило буржуазным националистическим элементам... создание своих легальных прикрытий, своих контрреволюционных ячеек и организаций» [Martin, 2001: 354]. Второе постановление Политбюро от 15 декабря официально отменило украинизацию на всей территории РСФСР, где она раньше проводилась в районах со значительным количеством украинского населения. Видный американский исследователь истории национальной политики в СССР Т. Мартин считал, что эти по-

становления обозначили «решающий поворот в эволюции советской национальной политики» [Martin, 2001: 356].

Общий пересмотр национальной политики, начало которого Т. Мартин относит к 1933 г., отказ от многих элементов коренизации, реабилитация русской культуры и «русификация» РСФСР сопровождались усилением недоверия со стороны властных структур по отношению к ряду национальных меньшинств, прежде всего к представителям «титულных» национальностей иностранных государств, чьи заграничные связи вызывали подозрение, особенно в условиях усиления международной напряженности и обострения отношений Советского Союза с рядом иностранных государств. Власти не могли не принимать во внимание и тот факт, что коллективизация вызывала особенно упорное сопротивление именно в нерусских районах [Martin, 2001: 271]. Коренизация всё меньше отвечала тенденции к усилению централизации государственной власти, наметившейся в 1930-е гг. К тому же у властей стало возникать опасение, что продолжение этой политики может привести к росту местного национализма и сепаратизма. И. В. Сталин в отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б) 24 января 1934 г. развивал мысли о том, что местный национализм не менее опасен, чем великодержавный русский шовинизм. В частности, он говорил: «Пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме <...> Уклон к национализму отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать Советский строй и восстановить капитализм» [Сталин, 1951: 361]. При этом особо был упомянут украинский национализм: «На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью» [Сталин, 1951: 362].

Практическое выражение этого поворот проявилось в первых депортациях по национальному признаку, начавшихся в середине 1930-х гг. Эти депортации проводились преимущественно под флагом очищения пограничных районов от «ненадежных» или «нежелательных» элементов. Собственно, первые постановления о переселении социально опасного элемента на западной границе СССР, из пограничных районов УССР и БССР были приняты в конце 1929 г. республиканскими совнаркомом [Полян, 2001: 61–62]. Однако эти первые «зачистки» имели ограниченные масштабы и не носили столь ярко выраженного, как позднее, национального характера.

Начиная с весны 1935 г. началась кампания по массовым депортациям из ряда пограничных территорий. В конце февраля — начале марта такая операция была проведена на Украине: из Киевской и Винницкой областей, в то время пограничных, переселили 41 650 человек, или 8329 семей, при этом около 60% переселенных составляли поляки и немцы. Осенью того же года были дополнительно высланы около 1500 семей (почти сплошь поляки) [Martin, 1998: 848–849]. С января 1936 г. руководство НКВД Украины и Казахстана обсуждало вопрос о выселении еще 15 тысяч польских и немецких хозяйств (около 45 тысяч человек) из приграничной зоны Украины (800-метровой полосы вдоль границы с Польшей, где тогда началось строительство полигонов и укрепрайонов) в Казахстан. В итоге были переселены 14 048 семей (в два приема — в июне и сентябре 1936 г.) и заложены 37 новых поселков [Полян, 2001: 88–90].

Также весной 1935 г. началась операция по «очищению» пограничной зоны Ленинградской области «от кулаков и антисоветских элементов». Эта операция проводилась

на основе секретного указания наркома внутренних дел Г. Г. Ягоды от 25 марта 1935 г., за которым последовали соответствующие местные акты: приказ управления НКВД по Ленинградской области от 28 марта и постановление бюро Ленинградского обкома партии от 31 марта. Мотивы проведения этой акции были весьма разнообразны, они были связаны как с политическими, так и с военными соображениями. Из текстов вышеназванных документов не следовало, что «очищение» погранзоны должно было проводиться именно по национальному признаку, речь в них шла об «антисоветских элементах». Однако фактически операция свелась к выселению из приграничных районов Ленобласти этнических финнов и эстонцев. В общей сложности, к концу 1936 г. переселению подверглись до 27 тысяч человек [Мусаев, 2004: 257–260].

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 17 июля 1937 г. на границах СССР вводились специальные защитные полосы, или пограничные зоны. Для их организации из пограничных районов Армении и Азербайджана в 1937 г. было выселено 1325 курдов, часть которых была поселена в Киргизии, другая — в Казахстане [Бугай, Гонов, 1998: 104]. Подобные «зачистки» пограничных полос в этих же республиках, а также в Грузии, Туркмении, Узбекистане и Таджикистане проводились и в 1938 г. [Полян, 2001: 93].

Наиболее же массовый характер имела депортация с Дальнего Востока этнических корейцев, осуществленная в 1937 г. Корейцы стали первым этносом в СССР, подвергнутым тотальной депортации. Согласно переписи населения СССР 1926 г., в Дальневосточном крае проживали 169 тысяч корейцев, 77 тысяч китайцев и около тысячи японцев. Относительно низкая обеспеченность корейцев сельхозугодиями, по сравнению с русскими, ставила их в объективно конфликтные отношения с последними, что, несомненно, сыграло свою роль в неосуществившихся планах первоначальной депортации корейцев на север, за 48.5 параллель. Однако основным фактором стали подозрения и обвинения в шпионаже (в частности, в номере «Правды» от 23 апреля 1937 г. были представлены разоблачения японского шпионажа на Дальнем Востоке). Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 «О выселении корейского населения пограничных районов ДВК» предусматривало завершение всей операции к 1 января 1938 г. Отправка шла преимущественно в Казахстан и Узбекистан. Одновременно все японские подданные, в том числе корейцы по национальности, высылались в Японию. План по переселению был выполнен досрочно: уже к 25 октября 1937 г. 124 эшелонами были высланы 36 442 корейских хозяйства, или 171 781 человек. «Под раздачу» попали также около 7000 китайцев и около тысячи харбинских репатриантов [Сим Енг Хон, 1999: 381].

Общее количество депортированных в 1933–1937 гг. можно оценить примерно в 260 тысяч человек. Подавляющее большинство из них составили высланные в результате депортаций типа «пограничных зачисток», около двух третей пришлось на операцию по выселению корейцев [Полян, 2001: 93–94].

Поворот в советской национальной политике, начавшийся в середине 1930-х гг., имел своим логическим завершением полную ликвидацию, до конца десятилетия, всех элементов культурной автономии, которые были введены в период проведения политики коренизации. При этом всё большее значение приобретали обстоятельства внешнеполитического характера. По мере того, как продолжалось обострение международной ситуации, отношения Советского Союза с некоторыми европейскими государствами, прежде всего с соседними, становились все более напряженными, усиливалась подозрительность по отношению к представителям меньшинств и их общественно-культурной деятельности. Активные деятели из числа меньшинств, в первую очередь «за-

падных», соответствующие общественные и культурные институты первыми подпадали под подозрение в буржуазном национализме и в связях с иностранными разведками. Масла в огонь подливали подчас и сами эти деятели, которые, не сойдясь во взглядах или в ходе борьбы за лидерство в своих партиях, начинали состязаться во взаимных обвинениях, не останавливаясь перед доносами друг на друга.

15 июня 1938 г. появилось постановление ЦК ВКП(б) «О ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов». В соответствии с ним во всех субъектах Федерации, не входивших в состав территориальных автономных образований, были ликвидированы национальные районы и советы. К примеру, в Ленинградской области до весны 1939 г. были ликвидированы все 125 национальных сельсоветов: 59 из них были слиты с русскими сельсоветами, остальные оставили в прежних границах, но всё делопроизводство перевели на русский язык, хотя в 43-х из них русское население составляло меньше 40% жителей. Были упразднены или преобразованы в обычные сельсоветы 65 финских, 17 эстонских, 15 вепских, восемь ижорских, четыре карельских, три латышских и два немецких сельсовета. Токсовский (Куйвозовский) национальный район, утративший свой финский характер в результате депортаций 1935–1936 гг., был ликвидирован, его сельсоветы были переведены в Парголовский район [РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 324. Л. 61, 95]. Был ликвидирован и вепский Винницкий район на востоке области.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации национальных школ» от 24 января 1938 г. в национальных школах, работавших ранее в неавтономных территориальных образованиях, обучение было переведено на русский язык. Выполнялось постановление немедленно, нигде не стали дожидаться хотя бы окончания учебного года. Уровень владения русским языком учениками и вопрос о том, смогут ли они мгновенно перестроиться на обучение на неродном языке, по всей видимости, едва ли кого-либо беспокоили. Был прекращен недолгий эксперимент с письменностью для некоторых малых этносов. Если, к примеру, говорить о российском Северо-Западе и Севере, где преподавание родного языка в школах ижорских, вепских и саамских селений было запрещено, из них были изъяты учебники родных языков, которые успели напечатать несколькими годами ранее. Реорганизация школ означала не только перевод преподавания на русский язык, но и исключение из программы обучения родного языка и литературы, краеведения с элементами этнографии и истории своего народа. Это не могло не привести к ускорению ассимиляции национальных меньшинств, лишенных, таким образом, одного из основных механизмов поддержания своей национальной идентичности.

В 1937–1938 гг. во всех неавтономных образованиях были прекращены выпуск периодической и непериодической печати на языках национальных меньшинств, деятельность национальных домов просвещения, обществ и театров, радиовещание на языках меньшинств. К примеру, в Ленинграде окончательное решение о ликвидации национальных домов просвещения было принято бюро горкома 4 октября 1937 г. при обсуждении вопроса «О политической и культурно-просветительской работе среди трудящихся нацменьшинств» [Смирнова, 2002: 338]. Разгон национальных учебных и культурных учреждений нередко сопровождался репрессиями в отношении их сотрудников: директоров и работников школ, театров, домов просвещения, редакторов газет и журналов, по ставшим стандартными обвинениям в шпионаже и буржуазном национализме.

Массовые аресты 1937–1938 гг., известные как Большой террор, или «ежовщина», затронули представителей всех наций и народностей Советского Союза. Однако некоторые национальности при этом пострадали непропорционально сильно. Например, в Одесской области удельный вес немцев и поляков среди расстрелянных в ходе массовых операций составил соответственно 29,6 и 15,6%, тогда как среди всего населения области немцы составляли 5,6%, а поляки и вовсе 0,7% (для сравнения: доля украинцев и русских среди расстрелянных составила тогда же соответственно 24,2 и 14,4%, при удельном весе этих национальностей среди населения соответственно 58,7 и 16,1%) [Риттерспорн, 1998: 100]. В Карельской ССР из 9536 человек, арестованных и осужденных в период с 1 января 1937 г. по 10 августа 1938 г., насчитывалось 2838 русских (29,8%), 2820 карелов (29,6%), 3189 финнов (33,4%). При этом финны, пострадавшие в абсолютных и особенно в относительных цифрах сильнее других, среди всего населения республики составляли всего 2,7% (русские — 63%, карелы — 21,7%) [Килин, 1999: 153].

Во второй половине 1930-х гг. арестам и репрессиям подверглись проживавшие в СССР руководящие деятели иностранных коммунистических партий и эмигранты — члены ВКП(б). В Кремле их теперь уже рассматривали не как авангард будущих пролетарских революций в своих странах, а как потенциальную «пятую колонну». При этом никакие революционные заслуги в прошлом в расчет не принимались. В 1937–1939 гг. за колючей проволокой или у расстрельной стены нередко оказывались многие из тех, кто несколькими годами ранее вёл соплеменников на борьбу с «кулачеством» и «поповщиной», гневно выступал против увлечения «национальным демократизмом» и забвения классовых ценностей. При просмотре многотомного «Ленинградского мартиролага» бросается в глаза непропорционально большое количество расстрелянных немцев, поляков, финнов, эстонцев, латышей.

В этом смысле показателен разгром Финляндской компартии. Уже в марте 1935 г. был снят с должности и арестован генеральный секретарь ФКП К. Маннер (к чему в немалой степени приложил руку его конкурент внутри партии О. В. Куусинен). В ходе последующих кампаний арестов до конца 1938 г. руководящие кадры партии подверглись полному разгрому. До середины 1935 г. финские коммунисты занимали высшие руководящие должности в партийном и государственном руководстве Карельской АССР: Советская Карелия рассматривалась как плацдарм для будущей советизации Финляндии. Ещё с 1933 г. в республике начались чистки, касавшиеся преимущественно финнов. В августе и октябре 1935 г. соответственно были сняты со своих должностей первый секретарь республиканского комитета партии Г. Ровио и председатель Совнаркома республики Э. Гюллинг, которые позднее были арестованы и осуждены, а всё финское руководство КАССР до конца десятилетия подверглось тотальным репрессиям. Финский язык, имевший в автономной Карелии статус государственного, наряду с русским, сначала подвергся «реформированию», когда исконно финские слова заменялись международными, а в конце 1937 г. был объявлен «контрреволюционным языком буржуазных националистов» и запрещен [Uitto, 2013: 222–225, 237–240].

Во второй половине 1930-х гг., после некоторого затишья, было возобновлено наступление против религии и церкви. Его итогом было то, что институты целого ряда конфессий, к которым традиционно относились определенные национальные группы, были ликвидированы полностью. В частности, в 1939 г. на территории СССР не осталось ни одной действующей лютеранской церкви. В Ленинградской области, где число лютеранских приходов и церквей было традиционно много, последние приходы пре-

кратили действовать весной 1939 г. Запрещалась и жестко преследовалась деятельность ряда свободных евангелических общин. Единицами исчислялись оставшиеся не закрытыми католические церкви. Также в незначительном количестве продолжали действовать к концу десятилетия мечети, синагоги, буддийские храмы. Например, мечетей к началу июня 1941 г. в СССР насчитывалось 1312, тогда как до 1917 г. на территории Российской империи их было до 14 тысяч [Логинов, 2005: 325]. Вновь усиливалась антирелигиозная пропаганда. Атеистические издания стали выпускаться не только на русском, но и на других языках (украинском, грузинском, бурятском, узбекском, после 1940 г. — на языках прибалтийских народов) [Периодическая печать СССР, 1958: 85–87].

То, что репрессии периода Большого террора приобретали всё более явно выраженный национальный характер, и что в ходе «великой чистки» погибли или подверглись другим видам репрессий немало представителей этнических меньшинств, не было случайностью. В процентном отношении сильнее других пострадали представители диаспор, особенно тех стран, с которыми у Советского Союза были напряженные отношения. В обстановке шпиономании «шпионов» искали и находили прежде всего среди представителей таких меньшинств, даже если они имели советское гражданство. Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. остановило: «Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от подданства» (цит. по: Московские новости. 1992. 21 июня). Однако неверно было бы связывать пересмотр национальной политики исключительно с внешними факторами. Устранение автономий национально-культурного характера логически вытекало из всего хода развития советского общества. Финский историк Т. Вихавайнен отмечает: «Окончательно был осуществлен именно тот региональный принцип, который поддерживали и Ленин, и Сталин уже до революции. С точки зрения теории «научного социализма» национальные права типа «культурной автономии» в действительности были лишь временными уступками мелкобуржуазным национальным предрассудкам в досоциалистический период. В эпоху социализма их, конечно же, следовало ликвидировать» [Вихавайнен, 1998: 28].

Знаковым явлением для национальной политики середины — второй половины 1930-х гг. была реабилитация русской культуры и истории и «русскости» в целом. Из научного и публичного дискурса стала исчезать тема «великодержавного шовинизма» (под которым имплицитно подразумевался русский шовинизм), перестала звучать типичная для предыдущего десятилетия характеристика царской России как «тюрьмы народов». В исторической науке осуждению подверглись взгляды М. Н. Покровского и его «школы». Характерными для взглядов М. Н. Покровского и его последователей были изображение старой России как «тюрьмы народов», клеймение самого термина «русская история» как «контрреволюционного», отрицание татарского ига, отказ от признания отечественного характера войны 1812 г. В частности, в статье М. Н. Покровского «Возникновение Московского государства и „великорусская народность“», опубликованной в одном из номеров журнала «Историк-марксист» за 1930 г., содержались следующие пассажи: «уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было „тюрьмой народов“. Великороссия построена на костях „инородцев“... Толь-

ко окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет» [Покровский, 1930: 28].

Теперь же изучение и преподавание отечественной истории стало вестись в патриотическом духе. Здесь следует отметить постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании истории в школах СССР» и замечания И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова от 8–9 августа того же года по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории, опубликованные в газете «Правда» 27 января 1936 г. Упор делался на положительных последствиях присоединения тех или иных территорий к Российскому государству. Восстания на окраинах в XVIII — начале XX в. уже не оценивались однозначно положительно как «национально-освободительная борьба угнетенных народов против царизма». В журнале «Большевик» в мае 1938 г. была опубликована статья Б. Волина под заголовком «Великий Русский народ». Статья заканчивалась словами: «Великий русский народ стоит в первых рядах борцов против всех врагов социализма. Великий русский народ возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм» [Волин, 1938: 36]. В том же году И. В. Сталин, выступая с речью, посвященной 21-летней годовщине революции 1917 г., назвал русский народ «самым советским и самым революционным» среди «равных народов» (предложив, таким образом, своеобразную версию формулы «первый среди равных») [Martin, 2001: 433]. Поддерживался положительный образ исторической России и героев русской истории, в том числе и средствами искусства, включая кинематограф (в конце 1930-х гг. на экраны вышли такие знаковые фильмы, как «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Петр I», «Суворов» и др.).

Новые тенденции в советской национальной политике также проявились в изменении подхода к реформированию национальных алфавитов: латинизация к 1933–1934 гг. была постепенно свернута, начался процесс перевода национальной письменности (в том числе и латинизированных до этого алфавитов) на кириллическую основу. В 1937–1938 гг. был принят ряд соответствующих постановлений ЦК ВКП(б) [Советская этнополитика, 2012: 171–173, 180–181, 183–185]. Еще одна характерная особенность периода 1930-х гг. — значительный рост численности русского населения в союзных республиках (это было связано в первую очередь с активным строительством новых предприятий, на которые массово поступали на работу русские рабочие и специалисты, ограничение же переселенческих потоков было прекращено). При сравнении данных всесоюзных переписей 1926 г. и 1939 г. видно, что число русского населения национальных республик за это время почти удвоилось (по округленным данным, в 1926 г. — 5 250 000, в 1939 г. — 10 121 000) [Кабузан, 1996: 279].

При этом едва ли правомерно соглашаться с утверждениями, звучащими иногда в западной литературе, о возрождении в СССР в середине — второй половине 1930-х гг. русского национализма. Следует согласиться с мнением известного российского историка, специалиста по вопросам национальной политики А. И. Вдовина и его коллег по коллективной монографии «Русский народ в национальной политике», которые считают неправомерным говорить о переходе И. В. Сталина и его окружения на «националистические русофильские позиции»: «Освободиться от русофобии большевики-интернационалисты так просто не могли. Вопреки доктрине, им приходилось маскировать свой генетический порок, постепенно выходить на путь уступок русским национальным чувствам, использовать русский национализм для достижения тактических

целей, в частности для того, чтобы умерить чрезмерные притязания националистов иных национальностей» [Вдовин, Зорин, Никонов, 1998: 229–230].

Какое-либо превосходство, доминирующая роль русских никак не постулировались — ни формально, ни на практике. Действительно, некоторые этносы в ходе репрессий коллективизации и большого террора пострадали сильнее других. Однако федеративная система, в основу которой были положены национально-территориальные образования, была сохранена и продолжала развиваться. Сравнение административно-территориального устройства СССР в 1932 г. и 1938 г. показывает, что количество союзных республик за это время увеличилось с 7 до 11. Правда, вдвое сократилось число автономных областей (с 16 до 8), однако это было связано не с их упразднением, а, напротив, с повышением их статуса: несколько автономных областей были преобразованы в республики, а некоторые АССР (в Средней Азии), в свою очередь, стали союзными республиками. Автономных республик стало в итоге на одну больше (16 вместо 15). Число автономных округов осталось неизменным (10) [Martin, 2001: 413]. Официальная идеология неизменно пропагандировала интернационализм и дружбу народов.

Окончательное свёртывание политики коренизации произошло, таким образом, во второй половине 1930-х гг. Отчасти это было обусловлено временным и конъюнктурным характером этой политики, поскольку она не отвечала общей стратегии национальной политики советской власти. Дискуссионным остается вопрос о том, была ли политика коренизации изначально временной уступкой, от которой предполагалось позднее отказаться (как считает, в частности, Т. Вихавайнен), или пересмотр национальной политики был вызван изменившимися политическими условиями и разочарованием руководства в коренизации, которая не дала тех результатов, которые от неё ожидали. Переход к централизаторскому, интегрирующему курсу внутригосударственной политики совершался на протяжении 1930-х гг. Он проявился, помимо отказа от коренизации, в конструировании новой общегосударственной идентичности и фактическому признанию роли русского этноса и русского языка как основных факторов внутреннего сплочения. В. Г. Шнайдер, автор монографии о советской национальной политике на Северном Кавказе, отмечает: «СССР 1930-х гг. не стал «нацией-государством» в общемировом смысле. Модель национальной политики оставалась соподчиненной цели строительства нового общества при монопольной власти коммунистической партии <...> При этом национально-государственное строительство советского периода привело к политизации этничности и к территориальному закреплению этнокультурных различий» [Шнайдер, 2009: 27].

Ликвидация остаточных элементов культурной автономии происходила на фоне усиления международной напряженности и обострения отношений СССР с соседними государствами, что придавало репрессиям против национальных диаспор особо ожесточенный характер. Это имело результатом ликвидацию к концу 1930-х гг. всех форм культурно-просветительной деятельности национального характера для диаспор и некоторых малых этносов и чрезмерно высокий удельный вес представителей этнических меньшинств среди репрессированных. Говорить о целенаправленных национальных репрессиях едва ли правомерно, и замечание Т. Мартина о том, что во второй половине 1930-х гг. социальный террор постепенно эволюционировал в террор национальный, возможно, несколько преувеличено. Трудно всё же отрицать тот факт, что некоторые национальности оказались на особом счету как «ненадежные» и «подозрительные». Именно в этот период в национальной политике советского руководства стали

явственно просматриваться двойные стандарты, выразившиеся в неодинаковых подходах по отношению к разным народам. Деление населявших советскую страну народов на привилегированные, имевшие собственные территориально-административные образования в форме союзных или автономных республик, и на фактических изгоев, лишенных не только территориальной автономии, но и каких-либо возможностей для ведения культурно-языковой деятельности, стало одной из предпосылок кризиса национальных отношений в последние годы существования Советского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p. (на англ. яз.).
- Martin T. *The Origin of Soviet Ethnic Cleansing // The Journal of Modern History.* Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 868–890 (на англ. яз.)
- Uitto A. *Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen.* Helsinki: Paasilinna, 2013. 415 p. (на фин. яз.).
- Брандт Л. Лютеранство и его политическая роль. Л. : Огиз, 1931. 110 с.
- Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-е — 60-е годы). М. : ИН-САН, 1998. 367 с.
- Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М. : Русский мир, 1998. 443 с.
- Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б) / КПСС в 1920-е — 1930-е годы и судьбы финской и карельской национальностей // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы.* Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 15–41.
- Волин Б. Великий Русский народ // *Большевик.* 1938. №9. С. 26–36.
- Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9479с. Оп. 1с.
- Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // *История СССР.* 1990. №5. С. 7–30.
- Доного Х.-М. М. Повстанческое движение в Дагестане и Чечне в 20-х годах XX века // *Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза.* М. : Социально-политическая мысль, 2005. С. 270–281.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции.* М., 1994. С. 51–84.
- История римско-католической церкви в России и Польше в документах архивов, библиотек и музеев Санкт-Петербурга. СПб. ; Варшава : Стройиздат, 2000. 655 с.
- Кабузан В. Русские в мире. СПб. : ИРИ РАН, 1996. 347 с.
- Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. 275 с.
- Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938). М. : Готика, 1999. 428 с.
- Логинов А. В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая Российская энциклопедия, 2005. 495 с.
- Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX вв. СПб. : Нестор-История, 2004. 450 с.
- Периодическая печать СССР, 1917–1949: библиографический указатель. Выпуск первый. М. : Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958.

Покровский М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. 1930. № 18–19. С. 14–28.

Полян П. М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М. : О. Г. И. — Мемориал, 2001. 326 с.

Риттерспорн Г. «Вредные элементы», «опасные меньшинства» и большевистские тревоги: массовые операции 1937–38 гг. и этнический вопрос в СССР // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 99–122.

Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 120.

Сим Хон Енг. Депортация народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М. : Наука, 1999. С. 377–384.

Смирнова Т. М. Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX веке. СПб. : Сударыня, 2002. 582 с.

Советская этнополитика, 1930-е — 1940-е годы: сборник документов. М. : ИРИ РАН, 2012. 391 с.

Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. М. : Политиздат, 1951. 423 с.

Старков Б. А. Инструментарий национальной политики ВКП(б) и его применение // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-е — 1950-е годы. Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. С. 83–98.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 2. 338 с.

Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940–1950-е гг. Армавир : Армавирский гос. пед. ун-т, 2009. 235 с.

REFERENCES

Martin T. The Origin of Soviet Ethnic Cleansing. *The Journal of Modern History*. Vol. 70. No. 4. December 1998. P. 868–890 (in English)

Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 496 p. (in English).

Uitto A. *Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen*. [Finland-eater Otto Wille Kuusinen] Helsinki: Paasilinna Publ., 2013. 415 p. (in Finnish).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. Fund 9479c. Inventory 1c.

Brandt L. *Liuteranstvo i ego politicheskaia rol*. [Lutheranism and its political role] Leningrad: Ogiz Publ., 1931. 110 s. (in Russian).

Bugai N. F., Gonov A. M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20-e — 60-e gody)*. [The Caucasus: peoples in echelons] Moscow : INSAN Publ., 1998. 367 s. (in Russian).

Danilov V. P. Kollektivizatsiia sel'skogo khoziaistva v SSSR. [Collectivization of the agriculture in the USSR]. *Istoriia SSSR*. [History of the USSR] 1990. № 5. S. 7–30 (in Russian).

Donogo Kh. — M. M. Povstancheskoe dvizhenie v Dagestane i Chechne v 20-kh godakh XX veka [Rebel movement in Dagestan and Chechnya in the 1920s]. *Tragediia velikoi derzhavy. Natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuza*. [Tragedy of the Great Power. National question

and disintegration of the Soviet Union] Moscow: "Sotsial'no-politicheskaiia mysl'" Publ., 2005. S. 270–281 (in Russian).

Istoriia rimsko-katolicheskoi tserkvi v Rossii i Pol'she v dokumentakh arkhivov, bibliotek i muzeev Sankt-Peterburga. [History of the Roman-Catholic church in Russian and Poland in the documents of archives, libraries and museums of St. Petersburg] St. Petersburg, Warsaw: Stroizdat Publ., 2000. 655 s. (in Russian).

Kabuzan V. *Russkie v mire.* [The Russians in the world] St. Petersburg: IRI RAN Publ., 1996. 347 s. (in Russian).

Kilin Iu. M. *Kareliia v politike Sovetskogo gosudarstva.* [Karelia in the policy of the Soviet state] 1920–1941. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1999. 275 s. (in Russian).

Litzenberger O. A. *Evangelicheskoi-liuteranskaia tserkov' i sovetskoe gosudarstvo (1917–1938).* [Evangelic-Lutheran church and the Soviet state] Moscow : Gotika Publ., 1999. 428 s. (in Russian).

Loginov A. V. *Vlast' i vera. Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti.* [The power and the faith. The state and religious institutions in history and nowadays] Moscow : Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2005. 495 s. (in Russian).

Musaev V. I. *Politicheskaiia istoriia Ingermanlandii v kontse XIX–XX vv.* [Political history of Ingria in the late 19th–20th centuries] St. Petersburg: "Nestor-Istoria" Publ., 2004. 450 s. (in Russian).

Periodicheskaiia pechat' SSSR. 1917–1949. Bibliograficheskii ukazatel'. Vyp. 1. [Periodical press in the USSR. 1917–1949. Bibliographic index] Moscow : Izd-vo Vsesoiuz. knizhnoi palaty Publ., 1958 (in Russian).

Pokrovskii M. N. *Vozniknovenie Moskovskogo gosudarstva i "velikorusskaia narodnost'"* [Formation of the Moscow state and the Great-Russian nation]. *Istoriik-marksist.* [The historian is a Marxist]. 1930. № 18–19. S. 14–28 (in Russian).

Polian P. M. *Ne po svoei vole... Istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR.* [Against their own will... History and geography of forceful migrations in the USSR] M.: O. G. I. — Memorial Publ., 2001. 326 s. (in Russian).

Rittersporn G. "Vrednye elementy", "opasnye men'shinstva" i bol'shevistskie trevogi: massovyie operatsii 1937–38 gg. i etnicheskii vopros v SSSR ["Harmful elements", "dangerous minorities" and Bolshevik alarms: mass operations of 1937–38]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody.* [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s] Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 99–122 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. [Russian State Archive of Social-Political History] Fund 17. Inventory 120.

Schneider V. G. *Sovetskaia natsional'naia politika i narody Severnogo Kavkaza v 1940–1950-e gg.* [Soviet national policy and the peoples of the North Caucasus in the 1940s and 1950s] Armavir: Armavirskii gos. ped. un-t Publ., 2009. 235 s. (in Russian).

Sim Khon Eng. *Deportatsiia narodov: mezhdunarodnyi aspekt problemy* [Deportation of the peoples: international aspect of the problem]. *Rossiiia v XX veke. Problemy natsional'nykh otnoshenii.* [Russia in the 20th century. Problems of ethnic relations]. Moscow: Nauka Publ. S. 377–384 (in Russian).

Smirnova T. M. *Natsional'nost' — piterskie. Natsional'nye men'shinstva Peterburga i Leningradskoi oblasti v XX veke.* [Nationality — the Petersburgers. Ethnic minorities of

Petersburg and the Leningrad province in the 20th century] St. Petersburg: Sudarynia Publ., 2002. 582 s. (in Russian).

Sovetskaia etnopolitika, 1930-e — 1940-e gody. [Soviet ethnic policy, 1930s — 1940s] Moscow: IRI RAN Publ., 2012. 391 s. (in Russian).

Stalin, 1951 — *Stalin I. V. Sochineniia*. [Works] T. 13. Moscow : Politizdat Publ., 1951. 423 s. (in Russian).

Starkov B. A. Instrumentarii natsional'noi politiki VKP(b) i ego primeneniie [Instruments of the national policy of the ASCP(b) and its implementation]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody*. [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s] Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 83–98 (in Russian).

Tragediia sovetskoi derevni. Kollektivizatsiia i raskulachivanie. [Tragedy of the Soviet countryside. Collectivization and dekulakization]. T. 2. Moscow : ROSSPEN Publ., 2000. 338 s. (in Russian).

Vdovin A. I., Zorin V. Iu., Nikonov A. V. *Russkii narod v natsional'noi politike XX vek*. [The Russian people in the national policy. 20th century] Moscow: Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo "Russkii mir" Publ., 1998. 443 s. (in Russian).

Vihavainen T. Natsional'naia politika VKP(b) / KPSS v 1920-e — 1930-e gody i sud'by finskoi i karel'skoi natsional'nosti [National policy of the ASCP(b) / CPSU between the 1920s and the 1950s and the fortunes of the Finnish and the Karelian nationalities]. *V sem'e edinoi: Natsional'naia politika partii bol'shevikov i ee osushchestvlenie na Severo-Zapade Rossii v 1920-e — 1950-e gody*. [In one family: National policy of the Bolshevik party and its implementation in the Russian North-West between the 1920s and the 1950s]. Petrozavodsk : Izd-vo Petrozavodskogo un-ta Publ., 1998. S. 15–41 (in Russian).

Volin B. Velikii Russkii narod [The great Russian people]. *Bol'shevik* [Bolshevik] 1938. № 9. S. 26–36 (in Russian).

Zemskov V. N. Spetsposelentsy (1930–1959 gg.) [Special settlers (1930–1959)]. *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii*. [Population of Russia between the 1920s and the 1950s: numbers, losses, migrations] Moscow : IRI RAN Publ., 1994. S. 51–84 (in Russian).